

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1
DOI 10.17223/18137083/60/3

Т. Е. Зинкевич

Российская государственная библиотека, Москва

«Житие и Похвала Никиты Столпника»: агиографический канон и особенности его воплощения

Статья посвящена изучению композиционных особенностей Жития преподобного Никиты Столпника Переславского чудотворца. Рассматривается каноническая структурная схема построения Жития, которая представлена в тексте в виде тематических блоков, а также определены мотивы, не характерные для агиографического канона преподобных, такие как раскаяние и покаяние героя, его мученическая смерть. Мотив столпничества, редкий для русской агиографии, усиливает нравственно-аскетический аспект преподобнического чина святости.

Ключевые слова: агиография, канон, преподобный, мотив, столпничество, Никита Столпник.

Жития были всегда чрезвычайно популярны на Руси, о чем свидетельствует большое количество дошедших до нас рукописей агиографического содержания, как переводных, так и русских. Основной особенностью агиографического текста является следование канону, который проявляется на всех уровнях житийного произведения – структурном, стилистическом, идейном и символично-богословском [Афиногенов, 2008, с. 283]. На структурном уровне канон выражается в наличии строгой композиционной схемы жития. В. В. Кусков разработал жанровый подход к изучению древнерусского житийного произведения. Он считал, что жанрово-композиционный тип агиографического памятника определяется типом святости описываемой личности (мученики, равноапостольные, святители, благоверные князья, преподобные) [Кусков, 1977, с. 4–15]. Самым распространенным типом агиографических текстов являются жития преподобных [Афиногенов, 2008, с. 283].

Рассмотрим жанрово-композиционную структуру одного из списков преподобнического жития – Жития преподобного Никиты Столпника Переславского чудотворца. Он хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ. Ф. 7. № 16. Сборник слов и житий. XVI в. Л. 236 об. – 252).

Зинкевич Татьяна Евгеньевна – ведущий архивист Отдела рукописей Российской государственной библиотеки (ул. Волхонка, д. 3/5, Москва, 119019, Россия; zinkevichte@rsl.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2017. № 3
© Т. Е. Зинкевич, 2017

Преподобный Никита Столпник жил в XII в., а прославлен был в 1549 г., однако стал почитаться как местночтимый святой сразу же после своей кончины. Об этом свидетельствуют дошедшие до нас немногочисленные списки XV в. В разных книгохранилищах на сегодняшний день выявлено более 240 списков XV–XVIII вв. Такое большое количество сохранившихся списков жития преподобного Никиты Столпника свидетельствует о народной любви к святому [Крутова, Левочкин, 2014, с. 109–110].

Наша задача – рассмотреть, как реализованы в тексте структурные компоненты композиционной схемы преподобнического жития и насколько они соответствуют канону.

Композиционная структура канонического житийного текста предполагает наличие в ней трех частей: предисловия, основной части и заключения. Однако композиция Жития исследуемого списка является двухчастной и состоит из основной части и заключения. Отсутствует предисловие, в котором обычно содержится обоснование написания жития древнерусским книжником и этикетная фраза о самоуничижении перед величием описываемого им святого. Древнерусские жития, как правило, были анонимны, как и Житие преподобного Никиты Столпника.

Основная часть канонического житийного текста состоит из повествования о жизненном пути святого и традиционно строится по принципу «жития-биос», в котором жизнеописание представлено от рождения праведника до его преставления. Наличие в описании особых сюжетов и мотивов связано с чином святости, в нашем случае – преподобнического жития. Композиция жития преподобных содержит ряд устойчивых мотивов, которые характерны именно для этого типа агиографических памятников: рождение от благочестивых родителей; детство как предвестник подвижничества и мечта с детских лет о постриге; стремление избежать брака; тайный уход из дома в монастырь и плач родителей; первоначальный отказ игумена о постриге из-за молодости героя; постриг как второе духовное рождение; монастырские послушания и аскетические подвиги (строгий пост, ношение вериг, малый сон и др.); уход в пустыню с целью убежать от людской славы; борьба с темными силами; соби́рание братии вокруг подвижника и основание им монастыря; предвидение кончины и предсмертное наставление братии; преставление подвижника и плач братии по усопшему; обретение нетленных мощей и посмертные чудеса [Кусков, 1977, с. 29].

В основной части Жития преподобного Никиты Столпника отсутствуют многие стандартные мотивы агиографического жанра. Опущено повествование о рождении будущего подвижника от благочестивых родителей и его крещение. Нет мотива благочестивого детства со стремлением героя к ранней богоугодной жизни, мотива отказа от детских игр со сверстниками, любви к чтению божественных книг и церковным богослужениям. В повествовании мы находим только одно предложение о рождении и детстве святого, которое выделяется всего лишь географически: *Никита, преподобный отец наш, бе рожден и воспитан во граде Переславле* (ОР РГБ, ф. 7, № 16, л. 236 об.)¹.

Следующий стандартный мотив, отсутствующий в основной части текста Жития преподобного Никиты Столпника, – это описание благочестия молодого человека, избегающего брака и мечтающего о монашеском постриге. Перед нами предстает вполне зрелый, женатый человек, далекий от христианского идеала. Никита был сборщиком налогов, прославившимся у горожан особой жестокостью и стремлением к обогащению: *И много пакости и мятежи творящее человеком, от них же неправедну взимаше мзду, тем питаше себе и подружие свое* (л. 237).

¹ Далее текст Жития цитируется по этому изданию с указанием листов в круглых скобках.

И так жил он долгие годы: *И по многа времена тако творяше* (л. 237). Для древнерусского читателя сюжет мытаря, ставшего праведником, был не новым. Подобные примеры преображения мытаря в праведника древнерусский читатель черпал из Нового Завета, который он хорошо знал. Мытарь Левий Матфей, глубоко презираемый иудеями, стал учеником Иисуса Христа, одним из двенадцати апостолов, впоследствии написавшим Евангелие от Матфея². Сам Господь в притче о мытаре и фарисее показывает нам, что мытарь с покаянной молитвой на устах, оказывается ближе к небесному царству, чем правильный, но гордый фарисей³.

Так и в Житии происходит преображение мытаря Никиты. В силу вступают духовные законы, которые коренным образом меняют мировоззрение грешника. И если прежняя его жизнь описана всего лишь несколькими строками, то в дальнейшем повествовании древнерусский писатель дает развернутую картину происходящего. В этом описании отчетливо проступают структурные компоненты основной части Жития в виде тематических блоков, которые показывают духовное преображение мытаря Никиты и его последовательное восхождение к святости.

В первом тематическом блоке автор рассказывает о пробуждении мытаря Никиты и начале его духовного преображения. Основным здесь является мотив раскаяния. Такой мотив редко присутствует в житийных текстах преподобных, поскольку чаще всего будущие подвижники с детства ведут добродетельную жизнь. Именно поэтому древнерусский автор уделяет большое внимание раскаянию и покаянию героя в своем повествовании. Однажды Никита зашел в церковь и услышал чтение из Книги пророка Исаии: *Сице глаголет Господь: измыитесь и чисти будете, и отимете лукавство от душъ ваших пред очима Моима, и останется от лобъ ваших, и научитися добро творити, възыщете суда, избавите обидима, судите сироте и оправдаите вдовицу. И придете и стяжемся, – глаголет Господь. – И аще будут греси ваши оброщени, иако снег убелю и, и аще будут червлени, и иако руно убелю. Аще ли хочете послушати Мене и благая земная снесите, аще ли не хочете послушати Мене, отружне вы пояст, уста бо Господня глаголаша сиа*⁴ (Там же). Эти слова потрясли Никиту до глубины души и способствовали осознанию греховности своей жизни. Под впечатлением услышанного грешник провел всю ночь без сна, вспоминая слова: *измыитесь и чисти будете*⁵ (Там же). Но когда наступил рассвет, мысли о греховности стали отступать, и он принимает решение в очередной раз пригласить друзей к себе домой на пир, чтобы в веселой обстановке забыть смятение прошедшей ночи.

Но Господь вновь призвал Никиту к раскаянию. Когда жена стала готовить еду для угощения гостей и поставила на плиту вариться мясо, она вдруг увидела в кипящем котле всплывающие части человеческого тела. В ужасе позвала она мужа, и перед изумленным взглядом Никиты предстала та же страшная картина. И тут в нем окончательно пробудилась уснувшая совесть, и Никита ясно осознал, что его деяния греховны. *Ох мне, многосогрешившему. <...> Господи Иисусе Христе Боже нашъ настави мя на истинный путь и научи мя творити волю Твою* (л. 238) – с такими словами выбежал он из дома.

Следующий тематический блок связан с описанием покаяния Никиты. Здесь реализуются мотивы ухода от прежней жизни и глубокого покаяния героя. После устрашающих видений мытарь Никита принимает решение окончательно изменить свою жизнь. Куда может лежать его путь? Туда, где можно принести покая-

² Мф. 9: 9; Лк. 5: 27–29.

³ Лк. 18: 9–14.

⁴ Ис. 1: 16–20.

⁵ Ис. 1: 16.

ние Господу за все свои прежние злодеяния и спасти свою душу. Он приходит в ближайший монастырь и просит игумена принять его в число братии: *Приидох, отче, к твоей святыни, дабы мя еси сподобил ангельскаго образа, и молитвами твоими причтен бых был святой братии* (л. 238 об.). Житийный жанр преподобнического чина святости диктует следующий канонический поворот сюжета – первоначальный отказ игумена от пострига из-за молодости героя. В Житии игумен также сначала отказывается от пострига Никиты, однако руководствуется иным – он не верит в искренность раскаяния мытаря Никиты, прекрасно зная его прежнюю грешную жизнь. И тогда игумен решает испытать его и дает ему первое послушание: три дня стоять при монастырских воротах и *исповедати грехи своя со слезами входящим и исходящим из монастыря* (л. 239 об.). Три дня Никита плакал и молился, исповедуя перед всеми свои грехи. Он твердит покаянную молитву Евагрия-мниха, но и этого ему показалось недостаточно. И тогда он принимает решение: как грешило его тело, так оно должно и пострадать. Никита уходит на болото рядом с монастырем и обнажает свое тело для комаров и мошек: *Аще телом согреших, то телом ми подобает и пострадати. Аще не стерплю сея мишица вкушения, то како стерплю кромешную тму и черви неусыпащаго* (л. 241). Он лежит, весь облепленный кровососущими насекомыми и истекающий кровью, но при этом уста его творят молитву: *Боже, оцисти мя, многосогрешиша* (л. 241 об.). Когда игумен с братией пришли к добровольному страдальцу, они уже увидели перед собой не того безжалостного мытаря, которого знали прежде, а совсем другого человека – смиренного и глубоко раскаявшегося, который вновь обратился с мольбой: *Отче, спаси душу погиблюю* (л. 231 об. – 242).

Следующий тематический блок – постриг преподобного Никиты и его подвижничество в монастыре. Здесь уже появляются характерные для преподобнического типа жития топосы: монашеский постриг как принятие ангельского образа и мотив «ангельской» жизни в виде аскетических подвигов. Игумен сам ввел Никиту в монастырь и удостоил пострижения в монашество – *сотвори его ангельского образа и затвори его в хлевине узце* (л. 242). За простым перечислением деяний стоит высокий нравственно-аскетический подвиг святого. Принятие монашества означает полный разрыв с прежней жизнью и характеризуется как мотив ухода от мира: за воротами монастыря остались друзья, жена, прежняя богатая и разгульная жизнь, а впереди были строгие посты, тяжелый монастырский труд, молитвенный подвиг и полное послушание игумену. То, что игумен затворил его в узкой келии, подразумевало пребывание преподобного Никиты в затворе. Мотив ухода преподобных в пустыню аналогичен мотиву затворничества, поскольку и тот и другой имеют одинаковые аскетические и духовно-нравственные корни. Уединение в затворе было тем же для затворника, чем являлись пустыни для отшельников [Игнатий, 2003, с. 49]. В обоих случаях подвижники стремились достичь уединения и безмолвия, чтобы ничто не мешало пребывать им в аскетических подвигах и в молитвенном стоянии перед Господом. Пребывая в затворе, преподобный Никита усмирал свою плоть строгим постом, *пребываша в молитвах и в постех* (л. 242). Желая еще больших аскетических подвигов телесного воздержания, он ограничивал себя во сне, а затем с благословения игумена возложил на тело тяжелые кованые вериги – железные цепи с тремя большими крестами. *И малу времени мимошедшу по благословению игумена возложи на тело свое железа тяжка, ночь же и ден без сна пребываше, поя псалтырь и почитая святых жития* (Там же). Мотив умерщвления плоти тесно связан не только с мотивами поста, безмолвия и молитвы, но и с мотивом труда. Так и преподобный Никита усмирал свою плоть тяжелым физическим трудом: он тайно, *в нощи же исходя из монастыря и ископа два кладезя* (л. 242 об.), не снимая своих тяжелых вериг. Подвижники, ведущие аскетическую безмолвную жизнь, подвергаются особому испытанию – нападению бесов. Мотив борьбы с бесами характерен

для преподобных, ведущих затворническую жизнь, и побеждает их подвижник, призвав на помощь святых. Не избежал искушений и преподобный Никита. В его келью *нощю исползе змии превелик* (л. 242), но подвижник, призвав в молитве на помощь мученика Никиту, победил беса, и *он же посрамлен изчезе* (л. 242 об.).

Затем идет тематический блок о столпничестве преподобного Никиты, как кульминация аскетического подвига святого. Мотив столпничества был новым для чина преподобных в русской агиографии. В момент написания древнерусским автором Жития преподобного Никиты Столпника подобных примеров на Руси не было. Чин святости преподобных не подразумевал столпничество. На Руси были известны переводные жития восточных столпников – прежде всего сирийского монаха Симеона Столпника (IV в.), гораздо меньше Даниила Столпника (V в.) и Симеона Дивногорца (VI в.), однако они не позволяли судить о канонической схеме жития преподобных столпников. Поэтому древнерусский книжник просто констатирует сам факт столпничества Никиты: *времени же малу минувишу ископа столп себе по благословению отца своего и в нем седе. И ископа стезю уску под стену церкви, еюже на молитву прихожаше* (л. 242 об.). Но как много стоит за этим фактом! Столпничество, как величайшая вершина аскетизма, было редким подвигом даже на Востоке, и когда оно там угасает, именно преподобный Никита на Руси в XII в. становится на столп, продолжая подвиг древних восточных подвижников. В условиях русского климата, с его морозами и метелями, обжигающими ветрами и холодными осенними дождями, преподобный Никита, не снимая вериг, проводил на столпе дни и ночи в молитвах за весь мир. Древнерусский книжник так описывает молитвенное состояние столпника: *не дадяще покоя ногама своима, ни векама дремание, молитву всылая человеколюбцу Богу о благоверном князе великом и о преосвященном митрополите, и о всех благочестивых князех и о священническом чину, и о плодоношении земли, и о нахождении иноплеменик. По многа лета обычныя молитвы тако творя не престашие* (л. 245 об.). Главная конечная цель аскетического подвига заключается в преодолении своей человеческой природы, когда плоть преобразается в Божественное естество и становится полностью подвластной духу [Литвинова, 2001, с. 601]. И эта цель была достигнута преподобным Никитой, поскольку многолетнее пребывание на столпе возможно только при условии преобразования человеческого естества и подчинения его высокому духу.

За такое подвижничество Господь даровал преподобному Никите благодать чудотворения, чему посвящен следующий тематический блок. Святой исцелял больных, бесноватых, недужных. Слава об его чудесах дошла до Чернигова, и к нему пришел святой благоверный князь Михаил Черниговский, страдавший недугом, чтобы испросить молитв об исцелении. И преподобный ходатайствовал за него пред Господом. Князь получил исцеление *и вдав монастырю доволная, и отиде восвосяси, хвалу Богу воздая и его молебнику чудотворцу Никите* (л. 235).

Тематический блок о преставлении преподобного Никиты своеобразен и выпадает из канвы канонической схемы. Агиографический канон преподобнического жития предполагает следующую схему смерти подвижника: предвидение кончины и предсмертное наставление братии; преставление святого и плач иноков обители о почившем [Кусков, 1977, с. 29]. И если мотив смерти чина преподобных предполагает естественную кончину, то в Житии иная картина. Из тематического блока о преставлении святого мы узнаем, что преподобный Никита в 1186 г. принял мученическую смерть от своих родственников. Придя навестить его, они увидели на нем вериги, блеск которых отдавал золотом от многолетних подвигов святого. Прельстившись, они убили преподобного Никиту и бежали, взяв с собой вериги с крестами. В Житии явственно проступает параллелизм – преподобный

Никита, будучи сребролюбивым в своей прежней жизни, погиб от рук сребролюбивых людей. Преподобный Никита принял мученическую смерть от своих родственников, подобно страстотерпцам Борису и Глебу, первым русским святым, которые были чрезвычайно почитаемы на Руси. Вырисовывается следующая сложная параллель: между святым страстотерпцем Борисом, основавшим в 1010 г. монастырь в честь святого мученика Никиты, которого он очень почитал, и преподобным Никитой Столпником, подвизавшимся в этом же монастыре в XII в. И погибшим подобно основателю монастыря – страстотерпцу Борису. Преподобного Никиту погребли близ алтаря церкви в честь святого мученика Никиты. Таким образом, мученическая смерть преподобного Никиты позволяет его отнести и к другому чину святости – страстотерпцу.

В Житии присутствует только один тематический блок с посмертным чудом – о веригах святого. Убийцы, *аки волци свирепии* (л. 246 об.), прибежали на берег Волги и там обнаружили, что вериги сделаны из обычного железа. Тогда они выбросили тяжелые вериги в реку, но те чудесным образом были явлены (первое посмертное чудо преподобного Никиты). От вериг, плававших по воде, исходили три ярких луча, которые увидел *старец, именем Симон* (л. 246) из Ярославского монастыря и извещил об этом священство. После обретения вериг с крестами по дороге в город был встречен человек с иссохшими ногами, который стал здоровым после того, как его осенили найденными крестами с веригами. Автор приводит здесь параллель с чудом обретения царицей Еленой Креста Господня в Иерусалиме, которым *девицу умершу от одра восставив* (л. 247). Блок о чуде с веригами заканчивает основную часть повествования.

В заключении Жития представлена Похвала преподобному Никите Столпнику. Похвальное слово в Житии основывается не на биографических фактах святого, а на нравственных выводах. Древнерусский книжник прославляет святого, отдавая должное его добродетелям: *Бе бо муж смирен и целомудрен, благоговеин, нищелюбив, иже есть отцем отец, мнихом начальник, постником похвала, молчаником удобрение, молитвенник крепок, чистоте рачитель, целомудрия образ, терпению столп* (л. 248).

Таким образом, рассматривая жанрово-композиционное своеобразие преподобнического Жития Никиты Столпника, можно сделать вывод, что обязательные структурные элементы композиции жития преподобных в целом присутствуют в основной части текста Жития святого как тематические блоки: покаяние, постриг, затворничество, аскетические подвиги (в виде труда, поста, молитвы, безмолвия, борьбы с бесами), чудотворение. Однако мотив столпничества развит слабо. В тексте отсутствуют такие важные для структурной схемы преподобнического жития мотивы, как рождение и благочестивое детство, основание монастыря, предвидение смерти и естественная кончина святого. С другой стороны, в Житии подробно отражены такие редкие для преподобнического чина мотивы, как раскаяние и покаяние. Мученическая кончина преподобного Никиты позволяет отнести его к двум чинам святости – преподобные и страстотерпцы. Все это выделяет Житие преподобного Никиты Столпника Переславского чудотворца из преподобнических агиографических текстов, свидетельствует об оригинальном жанрово-композиционном своеобразии произведения и позволяет рассматривать этот текст как редкий для русской агиографии пример реализации канонической композиционной схемы жития столпников.

Список литературы

Афиногенов Д. Е. Жития святых // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энцикл.», 2008. Т. 19. С. 283–286.

- Игнатий (Брянчанинов), свт.* Приношение современному монашеству // Игнатий (Брянчанинов), свт. Полн. собр. творений: В 8 т. М.: Паломникъ, 2003. Т. 5.
- Крутова М. С., Левочкин И. В.* Житие преподобного отца нашего Никиты Столпника Переславского чудотворца. М.: Пашков дом, 2014.
- Кусков В. В.* История древнерусской литературы. М.: Наука, 1977.
- Литвинова Л. В.* Аскетизм // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энцикл.», 2001. Т. 3. С. 593–608.

Список источников

Сборник слов и житий. XVI в. Житие и Похвала Никиты Столпника // Сборник слов и житий. XVI в. ОР РГБ. Ф. 7. № 16. Л. 236 об. – 252.

T. E. Zinkevich

*Russian state library, Moscow, Russian Federation
zinkevichte@rsl.ru*

«The Life and Praise of Nicetas the Stylite»: hagiographic Canon and especially its implementation

The paper deals with the hagiographic work of the 16th century – Life and Praise of Reverend Nikita Stylites, Pereslavl Wonderworker. The list is stored in the Department of Manuscripts of the Russian State Library (F. 7. No. 16. Collection of Words and Lives, 16th century Life and Praise of Nikita Stolpnik, 236–252). The purpose of this work is to acquaint the scientific community with one more handwritten hagiographic material and to carry out its textual analysis.

The genre-compositional structure of the life of Reverend Nikita Stylite is considered. We study not only the structural scheme of the construction of the Life but also verify its correspondence to the hagiographic canon. The composition structure of the Life is not three-part, but two-part, and consists of the main part of the narrative, presented in the form of thematic blocks, and the conclusion in which there is no preface. The text omits such canonical motives of the life of the reverend ranks as the birth of pious parents, a pious childhood and the hero's desire to go to the monastery from childhood. Nikita appears from the very beginning of his biography as an adult married man, who collects taxes in Pereslavl, oppressing the inhabitants of the city. In the Life there are motives uncharacteristic for the hagiographic canon of the reverend's rank, such as the repentance and confession of the hero, showing the beginning of his spiritual transformation. The motive of pillar-dwelling, consecrated in the Life, is rare not only for Russian hagiography but also for the very reverend rite of holiness. The violent death of St. Nikita does not fit into the canonical scheme of the natural death of the reverend, which makes it possible to refer Nikita to another rank of holiness – martyrs.

The research of the handwritten hagiographic source, which has not been put into scientific circulation, expands our possibilities in studying of the Life of St. Nikita Stylites. The revealed textual and hagiographical features of the Life of the Reverend Nikita Stylites, the Pereslavl Wonderworker, allow attributing it not only to the rare example of an original Russian hagiography but also to distinguish its originality among the hagiography texts of a rank of Reverends and Stylites.

Keywords: hagiography, Canon, Reverend, motif, pillar-dwelling, Mykyta the Stylite.

DOI 10.17223/18137083/60/3

References

Afinogenov D. E. Zhitiya svyatykh [Lives of the Saints]. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya. T. 19* [Orthodox Encyclopedia. Vol. 19]. Moscow, Tserkovno-nauchnyy tsentr "Pravoslavnaya entsikl.", 2008, pp. 283–286.

Ignatiy (Bryanchaninov), svt. Prinoshenie sovremennomu monashestvu [Contribution to modern monasticism]. In: *Ignatiy (Bryanchaninov), svt. Poln. sobr. tvoreniy: V 8 t. T. 5* [Full collection of creations: in 8 vols. Vol. 5]. Moscow, Palomnik, 2003.

Krutova M. S., Levochkin I. V. *Zhitie prepodobnogo ottsa nashego Nikity Stolpnika Pereslavskogo chudotvortsya* [Life of the reverend father of our Nikita Stylites Pereslavl wonder-worker]. Moscow, Pashkov dom, 2014.

Kuskov V. V. *Istoriya drevnerusskoy literatury* [History of old Russian literature]. Moscow, Nauka, 1977.

Litvinova L. V. Asketizm [Asceticism]. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya. T. 3* [Orthodox Encyclopedia. T. 3]. Moscow, Tserkovno-nauchnyy tsentr "Pravoslavnaya entsikl.", 2001, pp. 593–608.

List of sources

Sbornik slov i zhitiy. XVI v. Zhitie i Pokhvala Nikity Stolpnika [Collection of words and lifestyles. XVI century. Life and praise of Nikita Stylites]. In: *Sbornik slov i zhitiy. XVI v. OR RGB. F. 7.* [Collection of words and lives. XVI century]. No. 16. L. 236 ob. – 252.